

О ЖАНРАХ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

А.С. Мыльников (Ленинград)

Вопрос о жанрах чешской литературы эпохи Просвещения принадлежит к числу недостаточно разработанных и, во всяком случае, спорных вопросов истории чешской литературы. Об этом свидетельствует историография темы.¹ Не имея возможности останавливаться на ней подробнее и оставляя в стороне работы представителей буржуазного литературоведения (например, курсы истории литературы Я. Влчека, Я. Дыхала, А. Новака, Я. Якубца), отметим, что ближе всего интересующей нас проблематики казался в свое время Ф. Зодичка - как в монографии о чешской литературе эпохи Возрождения, так и в написанной им первой главе обобщающего труда "История чешской литературы" (1960).² Для периода от 70-х гг. XVII в. до 1805 г. ("Истоки возрожденческой литературы") он выделял поэзию (письмацкую, крамарскую, анакреонтическую, лирическую, эпическую, дидактико-сатирическую), прозу (фольклорную, рыцарскую и другие ее виды) и драму (историческую, рыцарскую, фарсовую). Об отдельных аспектах этой проблематики в последующие годы писали В. Бехинова, М. Беранкова, Д. Годрова, В. Мазура, М. Ржепкова, К. Сгалова, В. Штепанек и другие чехословацкие литературоведы,³ а также советские слависты⁴, их коллеги из других социалистических стран,⁵ а равно и некоторые западные авторы.⁶ Не входя в данном случае в оценку этих и аналогичных им работ и не затрагивая содержащихся в них расхождений общего и частного характера, в них с точки зрения определения предмета исследования можно выделить две основные черты.

С одной стороны, исследователи рассматривали, как правило, литературный процесс в Чешских землях в рамках эпохи национального Возрождения, выделяя в отношении интересующей нас темы ее первую фазу. Начальная грань ее при этом определяется по-разному: "последняя треть XVII в.", "середина 1770-х гг.", "1781 г." и т.п. Соотнесенность этой фазы с эпохой Просвещения либо вообще не понимается во внимание, либо решается в самом общем виде, со значительными хронологическими колебаниями. Собственно просветительский этап чешского литературного процесса либо не получает достаточно полного освещения, либо даже ставится под сомнение. Так, в авторитетном "Словаре литературных направлений и групп", вышедшем вторым изданием в 1983 г., в статье "Эпоха Просвещения",

в частности, сказано: "В чешскую письменность, развитие которой в период контрреформации насильственно подавлялось, просветительские тенденции проникли только в последней трети XVIII в. и то прежде всего в научную сферу... в то время, как в собственно литературном творчестве, исключая краткий период правления императора Иосифа II (сборник "Стихотворений", изданный Э. Тамом, 1785; патристический театр в Боуде, 1786-1789), они не успели проявиться. Однако, идейное наследие просветительского движения оказывало сильное влияние на развитие чешской возрожденческой литературы еще на протяжении всей первой половины 19 в." Таким образом, из приведенных примеров вытекает необходимость четкого разграничения понятий "эпоха национального Возрождения" и "эпоха Просвещения" с определением их соподчиненности и соподчинения в хронологическом и идейном отношениях.

С другой стороны, несмотря на попутное упоминание сочинений ряда чешских авторов просветительского толка (Й. Борн, А. Зитте и др.), писавших в основном или исключительно по-немецки (реже на латинском языке, как, скажем, М.А. Фойгт), в поле зрения литературоведов, как правило, попадает литература, создававшаяся на чешском языке. Такой подход, заложенный Й. Зигманом и прочно вошедший в литературоведение и библиографию (например, сводный указатель чешской печати, начатый в 1920-х гг. по инициативе Э. Тоболки), имеет, разумеется, свои исторические и гносеологические корни и основания. Но едва ли допустимо при этом забывать, что в чешских землях последней трети XVIII в. и позже издавалось значительное количество книг, а отчасти и периодических изданий на немецком языке. По данным западногерманского книговеда Р. Витмана, Прага в этом отношении была одним из наиболее продуктивных в Центральной Европе издательских и книготорных центров. Из 7 600 названий книг на Лейпцигской книжной ярмарке в 1780-1782 гг. на долю пражских изданий приходилось 115 названий. В Чешских землях, прежде всего в Праге, подвизались приверженцы австро-немецкого (их идеологом был венский профессор Й. Зоненфельз) и общегерманского (во главе с К. Сейбтом, а позже А. Майснером в Праге) просветительских течений. Таким образом, из приведенных примеров вытекает необходимость установить причины такого положения и определить, насколько и в какой мере немецкоязычная литература того периода, создававшаяся и печатавшаяся в землях чешской короны, была связана (или не связана) с чешским этнокультурным развитием.

Рассмотрения двух названных выше сторон процесса и посвящен предлагаемый доклад.

1. О соподчиненности "эпохи национального Возрождения" и "эпохи Просвещения" в Чешских землях. В отличие от формально-ограниченной трактовки в буржуазной науке чешского национального Возрождения как преимущественно литературно-языкового процесса, ученые Советского Союза, ЧССР и других социалистических стран рассматривают эту эпоху как период постепенного перехода от феодализма к капитализму, когда, в обстановке угнетения со стороны господствующих классов Австрийской монархии, происходило формирование чешской нации и национальной культуры, зарождалось и переживало подъ-

ем антифеодалное национальное и освободительное движение чешского народа. Но каким бы временем не датировать начальную фазу эпохи национального Возрождения, факты свидетельствуют, что она полностью не покрывает этносоциальные процессы, связанные с перестройкой феодальной народности в буржуазную нацию, и период перехода от феодализма к капитализму — эпоха национального Возрождения в Чешских землях была временем наиболее интенсивного протекания того и другого. И в идейно-культурной сфере связующим звеном между добелогорским развитием, прерванным событиями XVII в., и последующими десятилетиями, которые подготовили эпоху национального Возрождения, была идеология просветительского типа, которая решала задачи духовной эмансипации чешского общества, преодоления феодально-клерикального мировоззрения и утверждения нового видения мира.⁹

Проспективное просветительских идей в Чешские земли и их воздействие на местную культуру начинается не в последней трети XVIII в., а намного раньше. Как нам приходилось уже в свое время писать¹⁰, развитие этого процесса прошло четыре этапа: этап предварительного ознакомления отдельных представителей чешского общества из дворянско-мещанской среды с идеями раннего европейского Просвещения, которые с рубежа XVIII-XVIII вв. существовали здесь спорадически, еще не определяя духовной жизни общества; этап раннего Просвещения, приблизительно с середины 40-х до конца 70-х гг. XVIII в., когда просветительские идеи и представления стали проявляться в разных сферах научного и художественного творчества, в некоторых сторонах общественно-культурной жизни; этап расцвета просветительских идей в Чешских землях, имевших преобладающее влияние на основные стороны духовной жизни конца 1770-х — начала 1790-х гг. (или собственно чешское Просвещение); этап постепенного перерастания идеологии просветительского типа в так называемую "национальную идеологию", наиболее ярким представителем которой в середине первого десятилетия 19 в. стал Й. Шигман.

Из сказанного можно заключить, что завершающая часть второго этапа генезиса просветительской идеологии, а также полностью ее третий и четвертый этапы хронологически совпадают с принятой датировкой первой фазы эпохи национального Возрождения в Чешских землях. Хотя, таким образом, первая фаза этой эпохи прошла под знаком идей просветительского (прежде всего национально-просветительского) типа, последние зарождались и получили отражение в общественной мысли и культуре Чешских земель задолго до начала эпохи национального Возрождения. Поэтому в хронологическом отношении нельзя ставить знака равенства между "эпохой Просвещения" и "эпохой национального Возрождения" — их переплетение и во вре-

менном, и в идейно-культурном отношении носило, как мы видели, частичный характер. Этот вывод имеет ключевое значение для понимания второй стороны интересующего нас процесса, к рассмотрению которого целесообразно подойти с позиции теории этноса.

2. Литература на чешском языке или чешская литература? Как известно, после трагических событий Белогорской битвы 1620 г. и Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. чешский язык пришел в упадок. Однако это вызывалось не только политикой контрреформации, которую проводили Габсбурги в союзе с католической церковью и ее ударным отрядом - орденом иезуитов. Не меньшее значение имели глубокие перемены в этническом составе дворянства Чешских земель, а отчасти и городской верхушки, что отмечено как чехословацкими историками, так и советскими славистами. В результате, чешская феодальная народность, до начала XVII в. обладавшая высокой степенью консолидации, превратилась в этносоциальную общность с неполными этносоциальными структурами. Сферой распространения чешского языка на протяжении большей части XVII и XVIII вв. оказались городские низы и крестьянство - не случайно в начале следующего, 19 в. Й. Энгман решительно протестовал против третирования чешского языка как "мужицкого". Но этот упадок чешского языка неоднократно отмечали первые чешские просветители, в частности Ф.М. Пельцла.

Как показывают факты, этнический характер культуры и языковые средства ее выражения далеко не всегда совпадают друг с другом. Исходя из этой посылки, изучение генезиса национального самосознания как в Чешских землях, так и в ареале Центральной и Западно-Восточной Европы в целом привело нас к выводу, что с точки зрения соответствия его содержания и формы выражения этот процесс прошел два основных этапа. На первом из них, приблизительно до рубежа 70-80-х гг., национально-патриотические идеи выражались обычно в национальной языковой форме (по-немецки, иногда по-латински). На втором этапе отмеченное несоответствие начинает постепенно устраняться, завершившись в основном трудами Й. Энгмана и его сторонников. Эта двухэтапность эволюции имеет прямое отношение к решению поставленного выше вопроса.

Труды Г. Добнера, Ф.М. Пельцла, М.А. Фойгта, Й. Монсе и других представителей первого поколения национально-просветительского течения, хотя и были написаны на немецком или латинском языках, имели патриотическую направленность. Они содействовали пробуждению общественного и научного интереса к прошлому и настоящему чешского народа и к его культуре как к явлениям, имеющим не только национальное значение, но и общеславянский контекст. Не случайно, например, в предисловии к биографическому словарю "Изображения чешских и моравских ученых и художников", выходящему в латинской (1773-1775) и немецкой (1773-1782) версиях, М.А. Фойт обосновывал задачи обогащения национальной культуры, а частности,

ссылками на успешное развитие литературы на русском и польском языках. Вскоре, в 80-90-е гг. XVIII в., В.М. Крамеркус, Ф. Прохазка, Я. Длабач, А. Пухмайер, В. Стах, Я. Рулик и ряд других патриотически настроенных литераторов и ученых (в их числе были и просветители старшего поколения Пельцль и Монсе) полностью переходят в своем творчестве на чешский язык, сделав тем решительный шаг к преодолению противоречия первого этапа.

То, что ранние просветители употребляли, как правило, инациональные языковые средства, не было случайным. Это отражало не только их происхождение, образование и образ жизни (фактом является, что многие из них, даже будучи выходцами из чешской среды, не знали или плохо знали родной язык). Причина здесь была глубже и заключалась она в уровне этносоциального процесса складывания чешской нации. При тех или иных индивидуальных отличиях, основная часть деятелей чешского Просвещения выражала настроения и интересы находившейся в стадии формирования чешской мелкой городской и сельской буржуазии и связанной с этими слоями национально мыслящей интеллигенции. Но как раз эти-то круги, вследствие отмеченной выше языковой ситуации, пользовались в повседневной жизни немецким языком. Для того, чтобы чешский язык приобрел здесь устойчивое применение, должно было пройти время, длительность которого зависела от темпов нарастания этносоциальной базы чешской нации и упрочения составлявших ее структур. История книги дает убедительную иллюстрацию сказанному. В 1780-1781 гг., например, была издана на немецком языке в Праге "Новая хроника Чехии", стоявшая в русле чешской национально-просветительской историографии. Как видно из приложенного к ней списка подписчиков, основное место среди читателей этой книги принадлежало военным и гражданским чиновникам, интеллигенции Чехии и Моравии. Эти так называемые средние слои и составляли в этот период основную аудиторию, на которую ориентировались деятели национально-просветительского толка.

Поэтому о национальной принадлежности тех или иных литературных произведений, создававшихся в эпоху Просвещения в Чешских землях, следует судить не столько по примененному в них языку, сколько в первую очередь по их этнокультурному контексту. Так, праханин И. Корнова, видный чешский просветитель 80-90-х гг. XVIII в., в своем раннем подражательном поэтическом сборнике, выпущенном по-немецки в 1775 г., выступал в рамках современной ему немецкой литературы. Наоборот, ряд литературных произведений, созданных в конце 60-начале 80-х гг. сторонниками национально-просветительского направления на немецком и латинском языках, по своему смыслу, задачам и общественному звучанию должны быть с полным основанием причислены к фактам истории чешской литературы. Нам уже приходилось писать об этом, и в данном случае мы сослемся лишь на некоторые примеры, чтобы пояснить сказанное.

В полемике со своими консервативными оппонентами по поводу предпринятого им издания критического комментария "Хроники" В. Гайека, Г. Добнер трижды использовал жанр литературного памфлета -

в 1767, 1769 и 1770 годах. По указанию Я. Гаубельта, памфлет 1769 г. был почти целиком написан И. Борном. Последний прибегал к этому жанру и позднее. Так, узнав о несостоятельности слухов насчет смерти Фойгта, в 1775 г. Борн написал "Письмо с того света господина придворного советника И. Борна к господину А. Фойсту", в котором осмеивал противника Г. Добнера. Памфлет И. Борна долгое время циркулировал в рукописи, а в 1789 г. был опубликован И. в. Монсе. Poleмические трактаты Добнера-Борна были написаны на латинском языке, а "Письмо с того света" - на немецком. К аналогичным способам прибегали и их противники (например, стихотворная сатира Л. Грулиха 1784 г.). В 1770-х гг. в чешских просветительских кругах бытовали и другие жанры, в основном сатирические. Так, в 1773 г. в Вене на немецком языке была выпущена отдельная книжечкой сатирическая миниатюра И. Борна "Государственный парик", в которой осмеивалась австрийская правительственная и придворная среда. В 1783 г. в Нимбурке была издана на немецком языке книга А. Ситте "Духовные путешествия Северина Штильвассера по Чехии". Это был первый чешский просветительский роман сильной антиклерикальной направленности. Основанный на узнаваемых чешских реалиях, он представлял собой попытку автора творчески применить опыт европейской, в частности, английской, просветительской литературы.

Средоточенное воздействие на литературный процесс эпохи Просвещения в Чешских землях оказывала и русская культура, что следует рассматривать в контексте русско-чешских просветительских связей.¹³ Уже Г. Добнер знал имя И.В. Ломоносова и ссылался на его труды по истории России; в 1770-е гг., как мы отмечали выше, на успехи русской литературы ссылался М.А. Фойгт. В последующие годы этот интерес продолжал усиливаться и, в частности, в чешских просветительских кругах в начале 1780-х гг. знали о судьбе Н.И. Новикова и А.И. Редикова. Насколько можно судить по имеющимся сведениям, широкий круг читателей о литературном творчестве Н.И. Новиков узнал позже, по переводу Я. Онгманом сатирического отрывка из "Живописца" (1807). Что же касается А.И. Редикова, то его знаменитое "Путешествие из Петербурга в Москву" послужило одним из идейных источников книг И. Штернберга о поездке в Россию, которую он совершил в 1792-1793 гг. совместно с Я. Добровским: "Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг с кратким описанием Москвы" (Берлин, 1793) и "Замечания о России на основании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг." (Дрезден, 1794). Обе эти книги, написанные по-немецки, представляют собой выдающийся памятник общественной мысли и литературы чешского Просвещения. Мы не останавливаемся подробнее на характеристике их композиции и идейного содержания, поскольку уже имели случай затрагивать эту проблематику.¹⁴ В данном случае лишь важно подчеркнуть, что между

обеими книгами И. Штеерберга и "Путешествием" Радищева существует определенная взаимосвязь.

Подведем итоги. Исходя из сказанного, мы полагаем, что литература на чешском языке не исчерпывает понятия "чешская литература". Тем более в эпоху Просвещения. Каждая эпоха имеет свои представления о характере и границах художественной литературы. Имела такие представления и рассматриваемая эпоха. Для европейского Просвещения XVIII в. были присущи такие, например, роды литературы, их жанры и разновидности, как просветительский роман, стихотворная и прозаическая сатира, "разговоры в царстве мертвых" и "сны", назидательная, историческая и любовная поэзия, драматургия, путевые описания, публицистические произведения и некоторые другие. Хотя литература эпохи Просвещения создавалась в основном в русле поэтики классицизма, в ней сосуществовали, а порой и переплетались иные стилистические течения и направления, что вело к их взаимному пересечению, а иногда к синтезу. В этом проявлялось и местное своеобразие литературного процесса той эпохи. Такое своеобразие существовало и в Чешских землях.

Здесь на развитие идеологии просветительского типа оказывали воздействие разнообразные факторы базисного и надстроечного характера, в том числе неполноправное положение чешского народа и его культуры, влияние этнической неоднородности земель чешской короны и бытовавшего немецко-чешского двуязычия, включая связанное с особенностями чешского этносоциального развития неадекватное поначалу языковое выражение идей национального самосознания. Все эти обстоятельства нельзя не учитывать при изучении и оценке протекавшего в Чешских землях эпохи Просвещения литературного процесса. Поэтому произведения, вышедшие из круга сторонников национально-просветительского течения, хотя бы и созданные не только на чешском, но и на других языках (немецком, латинском), но лежавшие в рамках чешской этнокультурной традиции, следует рассматривать как составную органическую часть чешской литературы эпохи Просвещения. В свете такого подхода можно заключить, что протекавший здесь литературный процесс, не всегда "чешский" по средствам языкового выражения, но "чешский" по содержанию и читательской аудитории, на которую был ориентирован, использовал значительную часть жанров, типичных для литератур других народов, находившихся на

типологически сходном уровне идейно-культурного развития. Что же касается языка чешской просветительской литературы, то первоначальное преобладание немецкого, а отчасти латинского языка и проникновение в большинство остальных жанров чешского языка с некоторым опозданием была следствием этносоциальной ситуации в Чешских землях того времени. Историческая заслуга эпохи Просвещения заключалась, между прочим, и в том, что она, подготовив период "национальной идеологии", способствовала ускорению чешского национального литературного процесса и, используя иноязычную форму, стимулировала творческое овладение опытом других европейских литератур, внесла вклад в расширение международных связей чешской культуры и чешско-русских контактов.

Резюме

В докладе речь идет об анализе чешской литературы эпохи Просвещения с точки зрения теории этноса.

Следя старой традиции, к понятию "чешская литература" обычно относят только произведения, написанные по-чешски. Согласно моему мнению, такое представление для ряда эпох, в том числе и для эпохи Просвещения, неверно.

В XVIII в. в Чешских землях протекал процесс становления чешской нации. Он встречался с многочисленными трудностями, с которыми должен был бороться: Чешские земли составляли часть монархии Габсбургов, они не были однородны в этническом и языковом отношении, с социальной и национальной точки зрения они испытывали угнетение. Поэтому первое поколение деятелей национально-просветительского течения, от Г. Добнера до Й. Добровского, употребляло, как правило, не чешский, а немецкий и латинский языки. Это означает, что на первой фазе процесса идеи чешского национального самосознания еще не имели адекватной формы своего выражения.

Поэтому при ответе на вопрос о принадлежности того или иного произведения к чешской литературе в первую очередь нужно принимать во внимание не употребляемый язык, а общий этнокультурный контекст. В этом смысле чешская литература эпохи Просвещения обладала большинством жанров, которые существовали в остальных славянских и европейских литературах. При том, общеславянские и русские параллели играли здесь позитивную роль. Уже начиная с 1780-х гг. накопленный опыт способствовал дальнейшему развитию литературы, написанной по-чешски. Это означало, что в последующие десятилетия этнокультурное содержание и формы его выражения приходили в соответ-

Примечания

- 1 Она заслуживала бы специального рассмотрения с историко-культурной точки зрения, начиная с эпохи национального Возрождения.
- 2 Dějiny české literatury. D.1. Literatura národního obrození. Praha, 1960, s. 21-120.
- 3 Běchyňová, V.: Tradice v literatuře českého národního obrození. Slavia, 1979, N 4, s. 344-351;
Beránková, M.: Počátky českého novinářství a jeho vývoj v době národního obrození. Praha, 1976;
Hodrová, D.: Tvar románu v žánrové situaci národního obrození. Slavia, 1979, N 2-3, s. 214-222;
Macura, V.: Ideál, hra a zsvětifikace v české obrozenecké kultuře. Slavia, 1983, N 1, s. 35-43;
Řepková, M.: Počátky české obrozenecké satiry. Česká literatura, 1979, N 2, s. 102-110; etc.
- 4 Прежде всего следует назвать коллективную монографию: Счерк истории чешской литературы 19-20 веков. Москва, 1963, с. 25-34; см. также: Никольский, С.В.: Две эпохи чешской литературы. Москва, 1981.
- 5 Beiträge zur Literatur der tschechischen und slowakischen Wiedergeburt. Leipzig, 1977.
- 6 Richter, P.: Studien zur Geschichte des Sonets in der tschechischen Literatur von den Anfängen bis zur Romantik. Wiesbaden, 1973.
- 7 Slovník literárních směrů a skupin. Vyd. 2. Praha, 1983, s. 208.
- 8 Wittmann, R.: Soziale und ökonomische Voraussetzungen des Buch- und Verlagswesens in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In: Buch- und Verlagswesen im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1977, s. 16.
- 9 МvTnikov, A.S.: Probleme der Tradition und des Erbes in der Kultur der Epoche der tschechischen nationalen Wiedergeburt. Lětopis Instituta za serbski ludosovt, rjad "B", 1984, N 31/2, s. 113-123.
Мыльников, А.С.: Об этнографическом изучении процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Советская этнография, 1985, II. 3, с. 36-42.
- 10 Мыльников, А.С.: Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. Москва, 1977, с.66.
- 11 Этот вопрос рассмотрен нами в ряде работ: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.-1849 г. Москва, 1980;
Мыльников, А.С.: К вопросу формирования национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. в кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. Москва, 1981. с. 226-228;
Мыльников, А.С.: Народная культура и генезис национального

самосознания, 1981, N.6, с. 3-12;
Мыльников, А.С.: Об этносоциальных аспектах эпохи чешского национального Возрождения (к вопросу о переизменении феодальной народности в нацию). В кн.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Социально-культурное развитие и генезис национального самосознания. Москва, 1984, с. 60-74.

- 12 Kaubelt, J.: Dějepisectví Gelasia Dobnera. Praha, 1979, s.89.
- 13 Vávra, J.: Osvícenská éra v česko-ruských stycích. Praha, 1975.
- 14 Подробнее с указанием библиографии вопроса см.: Мыльников, А.С.: Иоахим Штернберг и чешские параллели к "Путешествию" Радишева. В кн.: А.Н. Радишев и литература его времени. Л., 1977, с. 183-198.